

9. U.S. Health-Care System Ranks as One of the Least-Efficient [Electronic resource]. - Mode of access : www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-29/u-s-health-care-system-ranks-as-one-of-the-least-efficient-.
10. Bloomberg rankings most efficient health care 2014: countries [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.ospedalesicuro.eu/attachments/article/337/>

КОНФЛИКТНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Н. И. Гончарова

Одесский государственный университет внутренних дел,
ул. Успенская, 1, 65000, Одесса, Украина
e-mail: vchen@ukr.net

Рассматриваются объективные параметры конфликтности межэтнических коммуникаций, анализируется потенциальная конфликтогенность этноса на разных этапах его развития. Оцениваются позитивные и негативные результаты межэтнической конфликтности. Выделяются феномены этнической виктимизации и преступлений на почве ненависти в качестве специфической деструктивной формы межэтнической коммуникации.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация, конфликтность, преступления на почве ненависти, этническая виктимизация.

CONFLICT OF INTER-ETHNIC COMMUNICATIONS: SOCIO-CULTURAL AND LEGAL CONTEXT

N. I. Goncharova

Odesa State University of Internal Affairs,
Uspenskaya Str. 1, 65000, Odessa, Ukraine
e-mail: vchen@ukr.net

The objective parameters of inter-ethnic communications conflict are considered, potential conflictogenicity of an ethnos at different stages of its development is analyzed. Positive and negative results of inter-ethnic conflict are assessed. The phenomena of ethnic victimization and hate crimes are identified as a specific destructive form of inter-ethnic communication.

Key words: inter-ethnic communication, conflict, crimes based on hate, ethnic victimization.

Сущность и причины конфликтов в межнациональных (и шире, в межэтнических) отношениях по-разному освещаются различными социальными теориями. Психологический подход связывает их наличие с особенностями восприятия «другого». Социал-дарвинистские концепции рассматривают межэтнические конфликты в качестве одного из вариантов борьбы за выживание и обладание значимыми ресурсами (территориальными, материальными, социальными). Культурологические исследования пытаются выявить их корреляцию в соотношении с такими понятиями, как культурная дистантность, индекс культурных различий, уровень культурной адаптации. При всем различии теоретических подходов их объединяет общая социополитическая парадигма: наличие конфликтов связывается с системными недостатками общественного устройства, предполагается, что при должной организации общества они утратят свою актуальность. В 1990-х гг. такие ожидания зачастую связывались с утверждением институтов демократических прав и свобод, развитием гражданского общества, процессами национального возрождения и развитием национальной культуры.

События последних лет в Украине и за ее пределами убедительно доказали, что демократические принципы построения общества отнюдь не исключают возможности развития межнациональных конфликтов и этнонациональной дискриминации, а только создают фундамент для локализации таких конфликтов и противодействия им правовыми методами, что процессы национального возрождения чреваты эксцессами этнонационального противостояния, а развитие национальных культур и субкультур стимулирует не только процессы интеграции, но также и дезинтеграции, что во всех вышеназванных случаях весьма значимой является проблема взаимного понимания и формирования общей платформы для конструктивного диалога.

В качестве одного из вариантов теоретической рефлексии, отражающего данное должествование, выступает современная теория межкультурной коммуникации в соотнесенности с результатами этнологических, историко-культурологических и специально-правовых исследований.

Методологическим основанием данной работы послужили классические труды по проблемам коммуникации Ю. Хабермаса и Н. Лумана, а также работы Л. Козера, посвященные рассмо-

трению позитивных функций социальных конфликтов. Существенное теоретико-методологическое значение для изучения различных аспектов межнациональной коммуникации имеют социально-философские, культурологические и этнологические теории О. Шпенглера, А. Тойнби, Ю. Бромлея, Э. Смита, В. Степина, А. Гуревича, С. Лурье, а также этнографические и этноправовые исследования П. Чубинского и Б. Кистяковского. Весьма важным представляется рассмотрение межкультурной коммуникации как ситуации диалога, предложенное М. Бахтиным. Правовой анализ некоторых аспектов межнациональных конфликтов проводится в работах В. Тулякова, Л. Дробизевой, М. Одинцовой, а вопросы этнической виктимизации рассмотрены в работах Е. Велешко и Т. Петуховой. Наряду с этим ощущается недостаток междисциплинарных исследований в этой области, в частности, сочетающих социокультурные и правовые оценки межнациональной конфликтности. Предложенная работа является попыткой частичного заполнения данной лакуны.

Отдельный этнос как сложная саморазвивающаяся система в своем существовании проходит ряд этапов, каждый из которых может быть охарактеризован с точки зрения его потенциальной конфликтности (т. е. способности этноса выступать инициатором конфликтов по отношению к другим этническим общностям).

На начальном этапе своего существования этнос представляет собой слабо организованную общность, объединенную общей территорией и языком, недостаточно развитыми, но вполне реальными хозяйственными связями, обладающую некоторой культурной спецификой и смутным ощущением собственного единства (зародышем будущего этнического самосознания). Формирующийся этнос редко выступает инициатором конфликтов, его главная задача — противостояние окружающему миру, сохранение собственной целостности, осознание собственной культурной уникальности.

Следующий этап — это этап бурного развития (культурного, экономического, политического, территориального). Развивающееся национальное сознание и самосознание не просто фиксирует факт принадлежности отдельных индивидов к некоторой этнической общности, но предполагает приверженность к этнонациональным ценностям — языку, культуре, территории. В наивысшей форме — причастность к исторической судьбе сво-

его этноса (народа, нации). Это также период наиболее активных притязаний этноса — на признание в качестве самостоятельного субъекта политической деятельности, на расширение территории, на культурную и экономическую самодостаточность. И, как следствие, период, характеризующийся наивысшим уровнем конфликтогенности, как по отношению к территориальным соседям, так и по отношению к иным субъектам этнополитической действительности.

Последний этап — этап постепенного угасания творческой энергии этноса. Национальное сознание и самосознание постепенно сосредотачивается на «славном прошлом», аккумулированном в национальных мифах, на трансляции и ретрансляции отдельных образов национальной истории. Этнос утрачивает свою нацеленность в будущее, хотя в течение некоторого времени еще способен сохранять собственные культурные стратегии. При возникновении в непосредственной досягаемости от него нового, активного этнообразования ослабевший этнос может быть ассимилирован или даже уничтожен. Возможно и иное развитие событий. Угроза культурной агрессии может стать стимулом для восстановления высокого уровня этносоциальной активности и для формирования нового пика развития.

Таким образом, потенциальная конфликтность межэтнических коммуникаций напрямую связана с уровнем (этапом) развития субъектов коммуникации. Наиболее выраженной конфликтогенностью характеризуются коммуникативные процессы между этносоциальными субъектами с высоким уровнем притязаний. При этом конфликтогенность отнюдь не является сугубо негативной характеристикой. Конфликт культур выступает одним из моментов реального взаимодействия различных ценностных, нормативных и символических систем. Он может перерастать в агрессивные и насильственные действия, но не сводится к ним. Более того, именно конфликт — как некоторое противостояние — позволяет выявить и обозначить культурные границы, легитимные и нелегитимные формы межэтнической коммуникации, помогает сформировать и осознать собственную этническую идентичность.

Вторым важным обстоятельством в сфере межэтнической коммуникации является взаимная культурная адаптированность и интегрированность этносоциальных субъектов.

Межэтнические коммуникативные процессы предполагают наличие некоторого общего пространства, позволяющего переход от одних символических и ценностных систем к другим. В этом условном «пространстве» до некоторой степени нивелируется различие культурных моделей и на первый план выступают общие цели взаимодействия, в отношении которых могут осуществляться две различные стратегии. Взаимная культурная адаптация этносоциальных субъектов предполагает признание существования чужих культурных схем в качестве значимого момента взаимодействия («мы делаем так, а они — так»). Культурная интеграция обозначает выработку общих социокультурных схем или механизмов взаимодействия («в этом мы с ними заодно»).

Отдельным сегментом коммуникативного пространства выступает пространство конфликта, т. е. область тех вариантов взаимодействия, которые однозначно трактуются как агрессивные и оскорбительные (например, употребление уничижительных этнонимов, высмеивание этнокультурных запретов и предписаний и т. п.). При отсутствии государственно-правового регулирования данной сферы отношений формы адекватного реагирования определяются национальными традициями или, точнее, обычным правом.

На протяжении мирных периодов сосуществования этносов область конфликта минимизируется (даже взаимные оскорбления или драки между представителями различных этносов могут переосмысливаться в шутливо-ироническом ключе). В периоды обострения межэтнических отношений пространство конфликта разрастается за счет ранее признаваемых нейтральными или позитивными вариантов взаимодействия (так, этноним «хохол» вначале утратил, а затем вновь приобрел ярко выраженную негативную окраску).

Критическим является такой уровень конфликтности, при котором само существование представителя другого этноса расценивается как оскорбление. В этом случае этнос-агрессор может стать инициатором этноцида или геноцида (намеренного и планомерного уничтожения представителей другого этноса). Данная ситуация является своего рода этнической катастрофой и не может быть урегулирована ни обычным правом, ни общими государственно-правовыми нормами. Адекватной формой реагирования в настоящее время считается только установление спе-

циального административно-правового режима с привлечением международных наблюдателей. Следует, однако, заметить, что даже такой, кризисный, вариант межэтнического взаимодействия может быть локализован и при достаточных усилиях с обеих сторон стать фактом этнической истории, а не вечно актуальным событием.

Длительное территориальное соседство различных этнокультурных систем способствует постепенному расширению общего коммуникативного пространства и обуславливает процессы дальнейшей взаимной адаптации и/или интеграции. В ином ключе развиваются события в ситуации спонтанного столкновения культур вследствие развития миграционных процессов. Противостояние начинается практически сразу с острой фазы, поскольку сталкиваются две (или несколько) не адаптированных друг к другу культурных традиций.

Спонтанный контакт с представителями иной культурной уникальности на обыденном уровне переживается как столкновение с «иной», «чуждой», «неправильной» картиной мира. Контакты и конфликты с «иными», «чужаками», «не-нашими», с одной стороны, помогают преодолеть необоснованные предубеждения, создают уникальную возможность обмена опытом и активного развития в разных сферах жизни, способствуют осознанию собственной этнической и культурной идентичности. С другой — создают историю межэтнической агрессии и насилия.

На протяжении последнего тысячелетия можно выделить несколько периодов, когда представления о границах и формах межэтнической коммуникации изменялись глобальным образом. Первый связан с великими открытиями Нового времени, когда европейское сообщество открывало для себя и подчиняло себе иные земли и континенты. Межэтнический диалог в этот период предполагал наличие «сильных» (развитых, главенствующих) и «слабых» (неразвитых, подчиняющихся) народов и наций. В правовом поле такое разделение легитимизировалось при помощи разнообразных указов, уставов, привилегий и других нормативно-правовых актов, закреплявших разный объем прав за различными этническими общностями [1].

Второй период соотносится с эпохой новейшего времени, когда процессы индустриализации, охватившие наиболее развитые страны Европы, Америки и, несколько позже, Азии, определили

новые масштабы и направления массовой миграции и спровоцировали взрыв национальных контактов и конфликтов. В результате взаимодействия различных народов и национальных культур теряла свою актуальность позиция национального эгоцентризма, признававшая в качестве полноценно человеческого только свое собственное существование. Новые параметры межэтнических коммуникаций в самом общем виде были сформированы во второй половине XX века. Они включали в себя принципы демократичности и юридического равенства прав социальных субъектов (индивидов и социальных групп), а также признание ценности мультикультуральной и полиэтнической картины мира как базисного основания современного существования [2; 3; 4].

К началу XXI в. процесс столкновения культур приобрел экспоненциальный характер, в том числе за счет развития глобальных транспортных систем и информационных технологий. Они позволяют прикоснуться к чужой культуре и непривычному мировоззрению не в их опосредованно-адаптированном варианте, а в обыденной форме: в виде реальных событий и связанных с ними переживаний, ожиданий, опасений. Таким образом, созданы технические предпосылки для формирования не просто межэтнического, а общемирового коммуникативного пространства.

Однако глобальные изменения, свойственные современному обществу, имеют бивалентный характер. Многообразие культурных стратегий и практик у некоторых индивидов может порождать растерянность, панику, способствовать возникновению ксенофобии. Страх утраты самого себя в этом разнообразии культурных дискурсов может привести к асоциальным формам самореализации и самоутверждения, среди которых не последнее место занимает этнически ориентированная агрессия. Не случайно именно на нынешнем этапе развития международное сообщество в качестве одной из глобальных угроз существованию человечества выделила такие специфические формы межэтнических конфликтов, как преступления на почве национальной ненависти («hate crimes») и этническая виктимизация.

В настоящее время к преступлениям на почве национальной ненависти (предубежденности) относят любой деликт, объект которого был выбран по причине реальной или вымышленной связи потерпевшего с группой, характеризующейся общими признаками этнонациональной идентичности.

С точки зрения правового анализа данных деяний особое значение приобретает тот факт, что — в отличие от многих других преступлений — жертва такого деликта выбирается не как отдельный субъект, а как представитель определенной этнической общности, и может быть заменена любым другим представителем этой же группы, т. е. фактическим объектом посягательства выступает вся этническая общность.

В рамках коммуникативной теории значимым является рассмотрение деликта как целенаправленного коммуникативного акта. И в этом отношении «деликты ненависти» могут быть охарактеризованы как «послания ненависти», адресованные одной или нескольким этническим группам. Как справедливо заметила Жанин С. Коган, при помощи таких преступлений правонарушитель сообщает членам определенных этнических групп и общностей о своем презрении, обесценивании, о том, что они являются нежелательными в качестве соседей, соучеников или сотрудников [5, с. 365].

Обратной стороной и естественным следствием преступлений на почве ненависти является этническая виктимизация — т. е. повышенная уязвимость представителей отдельных этнических общностей и этносов в целом в отношении преступлений, правонарушений и асоциальных действий, совершаемых по мотивам национальной неприязни. К таковым относятся нападения на отдельных лиц или их квартиры, уничтожение имущества, повседневные угрозы и оскорбления (в том числе с использованием интернет-ресурсов), разрушение национальных святынь, дискриминационные действия со стороны органов власти. Кроме непосредственного материального и морального ущерба, нанесенного жертвам деликтов, этническая виктимизация приводит к взаимной подозрительности и нетерпимости в обществе, повышенной тревожности, фрустрации, к эскалации любых национальных и социальных конфликтов (даже тех, которые никак не связаны с пострадавшими этногруппами).

Как показали современные исследования [5, с. 108], убеждение, что деликты на почве ненависти совершаются только хорошо организованными, идеологически однородными группировками, является ошибочным. Субъектами противоправных действий чаще выступают отдельные индивиды и группы, которые считают свои действия вполне легитимными, поскольку

(и это важно!) их взгляды и отношение разделяются и одобряются более широкими общественными слоями, к которым они принадлежат.

Итак, потенциальная конфликтность межэтнических коммуникаций связана со следующими характеристиками:

- уровнем развития этносоциальных субъектов коммуникации;
- уровнем взаимной адаптированности и интегрированности национальных культур;
- сознательным принятием теории равенства культур и значимости мультикультуральной и полиэтнической картины мира или же убежденностью в неравноценности национальных культур и неравноправии этносов, развитием ксенофобии.

Специфической деструктивной формой межэтнической коммуникации, имеющей асоциальный и противоправный характер, выступают преступления на почве ненависти и этническая виктимизация. Усилия современной теоретической мысли и политико-правовых институтов должны быть направлены на ликвидацию и предупреждение данных деструкций коммуникации.

Литература

1. Капраль, М. М. Національні громади Львова XVI-XVIII ст. (соціально-правові взаємини): автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / М. М. Капраль. - Львів: НАН України. Ін-т українознав. ім. Івана Крип'якевича. Ін-т народознав., 2004. - 34 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Декларации Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. - Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) // Конвенции и соглашения Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. - Mode of access: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
4. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (Принята 20 октября 2005 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) // Конвенции и соглашения Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. - Режим

доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml.

5. Злочини на ґрунті ненависті: новий кримінальний феномен світового суспільства. - Львів: Астролябія, 2011. - 524 с.

**МІФ: АД АСЭНСАВАННЯ
ДА КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫІ РЭЧАІСНАСЦІ**

М. Ю. Шода

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый,
вул. Курчатава, 5, 220108, Мінск, Рэспубліка Беларусь
e-mail: marshoda@gmail.com

У артыкуле разглядаецца феномен міфа ў працэсе яго развіцця ад архаічнага досведу асэнсавання навакольнай рэчаіснасці да спосабу яе канцэптуалізацыі. Разглядаецца роля міфа ў творчасці рамантыкаў і сімвалістаў а таксама стварэнне новай сэнсасферы міфа ў межах мадэрнісцкіх эксперыментаў XX ст.

Ключавыя словы: сімвалізм, міфапаэтыка, міфатворчасць, міфалагічная свядомасць.

**MYTH: FROM COMPREHENSION
TO CONCEPTUALIZATION OF REALITY**

M. J. Shoda

Belarusian State University,
Sociocultural Communications Department,
Kurchatov Str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: marshoda@gmail.com

In this article we study the phenomenon of myth in the process of its development from archaic experience of comprehension of reality to the method of its conceptualization. We study the role of myth in the works of the Romantics and the Symbolists and creation of the new sense of myth within the framework of modernist experiments of the XXth cent.

Key words: symbolism, mythopoetics, myth-making, mythological consciousness.

Пачынаючы прыблізна з таго этапу цывілізацыі, калі міф як аспект усведамлення рэальнасці пачаў губляць сваю сілу, калі